

АЛЕКСЕЙ ШИШОВ

ГЕРОИ 1812 ГОДА

ОТ БАГРАТИОНА И БАРКЛАЯ
ДО РАЕВСКОГО И МИЛОРАДОВИЧА

Гении войны

Алексей Шишов

**Герои 1812 года. От
Багратиона и Барклая до
Раевского и Милорадовича**

«Яуза»

2014

Шишов А. В.

Герои 1812 года. От Багратиона и Барклая до Раевского и Милорадовича / А. В. Шишов — «Яуза», 2014 — (Гении войны)

«Вам все вершины были малы / И мягок самый черствый хлеб, / О, молодые генералы / Своих судеб!» – писала о них Марина Цветаева. Неслыханно молодые по нынешним меркам, невероятно талантливые, отважные и самоотверженные, русские генералы 1812 года покрыли себя на полях сражений бессмертной славой: «Три сотни побеждало – трое! / Лишь мертвый не вставал с земли. / Вы были дети и герои, / Вы всё могли!» 600-тысячную Великую Армию Наполеона победил не только стратегический гений Кутузова и непоколебимая твердость императора Александра, но и «созвездие» блестящих русских военачальников, которые превзошли хваленых французских маршалов по всем статьям. Багратион и Барклай де Толли, Раевский и Дохтуров, Коновницын и Милорадович, Витгенштейн и Воронцов, Паскевич и Голицын – эта книга воздает должное лучшим русским генералам первой Отечественной войны, которые одолели всю Европу, сломали хребет «непобедимому» корсиканцу и взяли Париж!

© Шишов А. В., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

Предисловие	5
Петр Багратион	7
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Шишов Алексей Васильевич

Герои 1812 года. От Багратиона и Барклая до Раевского и Милорадовича

Предисловие

Отечественная война 1812 года, или иначе, как она называется во французской историографии, – Русский поход Наполеона в военной истории государства Российского, являет собой нечто исключительное. Это был первый случай со дня объявления Петром I Великим России империей, то есть почти за столетие, когда наше Отечество подверглось вражескому нашествию.

В том все удаляющемся от нас 1812 году в пределы Российской державы вторглась ударная группировка 600-тысячной Великой армии воинственного императора французов Наполеона I, одного из самых великих полководцев-завоевателей в летописи человеческой цивилизации, большого тактика и стратега. Вторглась не просто доселе победоносная армия Франции, а собранная Бонапартом воедино военная сила с покоренной им пол-Европы.

Россия в той войне оказалась в полном одиночестве. Под знаменами Наполеона Бонапарта на нее шли армии еще вчерашних союзников императора Александра I – Пруссии и Австрии. Вся надежда выстоять и победить была на русскую армию, ее солдат и командиров. И, естественно, на воинский талант и любовь к Отечеству полководцев «грозы 12-го года».

Действительно, в той войне блеснуло целое созвездие полководцев русской армии, славных победами, имевших каждый свой почерк. В этой книге рассказывается о биографиях десяти из них – П.И. Багратиона и М.Б. Барклая-де-Толли, Д.С. Дохтурова и П.П. Коновницына, Н.Н. Раевского и П.Х. Витгенштейна, М.С. Воронцова и М.А. Милорадовича, И.Ф. Паскевича и Д.В. Голицына.

Все они – кавалеры Военного ордена святого великомученика и победоносца Георгия. У каждого из них главная биографическая веха – Отечественная война за изгнание Наполеона из родных пределов. В их судьбы для нас, потомков, вошли Бородинская битва и сражение при Малоярославце, защита города-крепости Смоленска, бои у Салтановки и Островно, на реке Чернишне близ Тарутина, под Вязьмой, Красным и Полоцком...

Каждый из этих полководцев – герой Отечественной войны 1812 года. Они отличны друг от друга своим жизненным путем, родословной, записями в послужных формулярах, орденскими «бантами» и титулами. Равно как и характерами, прошлым и будущим в их непростых судьбах, разделенными огненной чертой наполеоновским нашествием.

Естественно, что об одних мы знаем много (как, скажем, о Багратионе, Барклае-де-Толли и Воронцове), о других мало или совсем мало (к числу таких относятся, прежде всего, Дохтуров, Паскевич и Голицын). Но все они дороги для российской истории как великие личности, делами полководческими творившими славу русского оружия.

В данной книге прослеживаются их судьбы, жизненные пути людей, избравших для себя на всю жизнь военное поприще с его тяготами, битвами и ранениями, наградами и опалами, славой сегодняшней и будущей, после ухода в вечность. Не все они при жизни получили должное признание заслуг перед Отечеством, но история почти за два столетия рассудила многое из их деяний, «расставив все по своим местам».

При написании полководческих биографий использовались самая широкая документалистика о судьбах героев книги, мемуары современников и частные письма, суждения историков той эпохи и наших дней, исследования по Отечественной войне 1812 года, других войн,

прежде всего антинаполеоновских, в которых участвовали эти люди в генеральских мундирах, овеянные в истории ратной славой.

В книге рассказывается об их человеческих отношениях друг с другом, порой сложных и противоречивых, верном служении России и династии Романовых, отношении к родным и близким людям, заботе о подчиненных, прежде всего о рядовых служителях русской армии. Судьба не ко всем из них была благосклонна, они знали и царские опалы, и прижизненные гонения, и долгое забытие их истинных заслуг.

Главной целью написания очерков было создание биографической картины Отечественной войны 1812 года. Картины, прежде всего основанной на исторической правде, а не на том, что нам бы хотелось видеть на этой картине. Реалии жизни часто расходятся с нашим воображением, представлениями о той же жизни. Как то получилось в данной книге – судить читателям.

Петр Багратион

Герой дня Бородина, суворовец по духу и боевой выучке князь Петр Иванович Багратион родился в 1769 году на Северном Кавказе, в городе-крепости Кизляре Астраханской губернии. Происходил он из грузинского царского рода Багратиони и был внуком царевича Александра Иессевича, переселившегося в 1758 году в Россию. Для князей Багратионов служба в русской армии стала семейной традицией.

Царская грузинская династия Багратионов правила в стране с XI века до начала XIX столетия. После присоединения земель Грузии к России одна из ветвей рода Багратионов была включена в число российских княжеских родов.

О его отце сохранились противоречивые сведения. Историки считают, что полководец Багратион появился на свет в семье отставного полковника русской службы И.А. Багратиона. Он «якобы служил в армейских полках, пока не попал на глаза Суворову». Однако современный исследователь Л.Л. Ивченко пишет следующее:

«...Анализ документов показал, что Иван Александрович Багратион никогда не служил в русской армии, не знал русского языка и умер в чине секунд-майора, пожалованном ему по прибытии из Грузии только для назначения пенсии».

Учился (год) в Кизлярской школе для обер- и унтер-офицерских детей. В 14 лет поступил рядовым мушкетером в Астраханский пехотный (мушкетерский) полк «сверх комплекта». Его командир полковник Н.Ю. Пьери подписал рапорт такого содержания:

«По поданной челобитной грузинской нации из дворян князь Петр Багратион был принят в мушкетеры».

Солдатскую службу с ее тяготами юный князь познал сполна. В 15 лет получает чин сержанта. На огнедышащей Кавказской укрепленной линии князь Петр Багратион прослужил пять лет с постоянной, как по сей день считают историки, походной жизнью. Но в его личных формулярах за три года сведения об участии в боях отсутствуют.

Боевой опыт мушкетер получил в столкновениях с горцами, часто нападавшими на линию. 15 июня 1785 года участвовал в неудачном для русских войск бою с чеченцами шейха Мансура при селении Алды («под деревнею Алдиной за рекою Сунжею»). После этого дела Астраханский мушкетерский полк был расформирован: отряд астраханцев был «разнесен по частям кинжалами» нападавших горцев, и бой для полка окончился бесславно.

Считается, что Петр Багратион, исполнявший должность адъютанта полковника Пьери, получил тогда тяжелое ранение и попал в плен к чеченцам. Победители-горцы сохранили ему жизнь и доставили на русские аванпосты без подобающего по такому случаю выкупа «из-за уважения к его отцу».

В июле 1786 года переводится в Кавказский мушкетерский полк, тоже стоявший на линии. В этот полк были влиты остатки астраханских мушкетеров. В августе следующего года в 18 лет получает первый офицерский чин прапорщика.

...Первые боевые награды и командирское признание Петр Багратион получил в ходе Русско-турецкой войны 1787–1791 годов, называвшейся еще и как Вторая екатерининская турецкая война. Он участвует в штурме крепости Очаков, будучи удостоен за отличие золотым Очаковским крестом на Георгиевской ленте. Эта награда приравнивалась к Георгиевской, то есть к Военному ордену. В начале войны получает чины подпоручика и капитана (за штурм Очакова, в 21 год).

В офицерских чинах Багратион рос быстро. Здесь надо отметить такой немаловажный факт: князь не один год служил в адъютантах и ординарцах у генерал-фельдмаршалов светлейшего князя Тавриды Г.А. Потемкина и графа И.П. Салтыкова. В июле 1791 года стал премьер-майором с переводом в Киевский конно-егерский полк. В полк он так и не прибыл, оставаясь на прежнем месте службы. В ноябре 1793 года пожалован в секунд-майоры с последующим переводом в Софийский карабинерный полк.

Обращает на себя внимание то, что с самого начала появления князя из грузинского царского рода Багратиони на офицерском поприще он пользовался исключительным вниманием к себе со стороны высшего начальства. Он рос в чинах во многом благодаря тому, что его зачисляли на открывающиеся вакансии в разных полках. Это свидетельствовало о том, что связи Петра Ивановича в среде российской аристократии были достаточно прочными и высоких покровителей в молодости он имел предостаточно.

Но это никак не умаляет его личных достоинств, открывавших путь к «отличиям» на войне. Сомневаться в его храбрости, бесстрашии и умении вести за собой подчиненных на самые опасные дела начальникам Багратиона никогда не приходилось. Именно эти качества сделали его человеком популярным в среде русского воинства, в первую очередь среди нижних чинов.

Вновь отличиться на боевом поприще Петру Багратиону довелось во время Польской кампании 1793–1794 годов. Он участвовал в штурме укрепленного варшавского предместья Праги, за что был награжден орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом и чином подполковника. В багратионовском формулярном списке о том сражении под стенами столицы Польши говорилось так:

«...Того же октября 24-го числа с одним же эскадроном при штурме прагском отряжен был вперед в сильной и жестокой штурм, поражал конницу неприятельскую и гнал их до самой реки Вислы, где они от боязни бросились в воду».

Уже тогда, в Польше, в ходе приступа укреплений Праги, на командирские способности и бесстрашие князя Багратиона обратил внимание сам А.В. Суворов-Рымникский, предсказавший храброму пехотному офицеру, своему выученику, большое будущее. Полководец в воинских дарованиях своих подчиненных не ошибался, поскольку «судил их по себе».

В июле 1795 года князь Петр Багратион назначается командиром 1-го батальона Лифляндского егерского корпуса, через год – командиром 7-го егерского батальона. В 1797 году принимает командование над 7-м (позднее – 6-й) егерским полком. В феврале 1798 года получает чин полковника.

Егеря в ту эпоху считались отборной легкой пехотой. Багратионовский полк отличался самой лучшей стороной боевой выучки. Князь с января 1799 года становится шефом егерского

своего имени полка. 4 февраля того же года император Павел I жалует его чином генерал-майора.

Каким смотрелся князь с родословной из грузинских царей Багратиони в русском генералитете? Каким видела Петра Ивановича в генеральских эполетах армейская семья? Один из хорошо знавших его современников писал после Отечественной войны 1812 года:

«Этот человек и был и теперь знаком всякому по своим портретам, на него схожим. При росте несколько выше среднего, он был сухощав и сложен крепко, хотя несвязно.

В его лице были две особенные приметы: нос, выходящий из меры обыкновенных, и глаза. Если б разговор его и не показался вам усеянным приметами ума, то все ж, расставшись с ним, вы считали бы его за человека очень умного, потому что ум, когда он говорил и о самых обыкновенных вещах, светился в глазах его, где привыкли искать хитрости, которую любили ему приписывать.

На него находили минуты вдохновения, и это случалось именно в минуты опасностей; казалось, что огонь сражения зажигал что-то в душе его, – и тогда черты лица, вытянутые, глубокие, вспрыснутые рябинами, и бакенбарды, небрежно отпущенные, и другие мелочные особенности приходили в какое-то общее согласие: из мужчины невзрачного он становился генералом красивым. Глаза его сияли; он командовал и, в бурке, с нагайкою, на простом донце, неся, опережая колонны, чтоб из начальствующего генерала стать простым передовым войном.

Это был наш князь Багратион!..»

...Талант большого военачальника у П.И. Багратиона раскрылся под знаменами русского военного гения Александра Васильевича Суворова в Итальянском и Швейцарском походах 1799 года. Тогда молодой 30-летний генерал командовал авангардом союзной русско-австрийской армии, действовавшей в Северной Италии против захвативших ее французов.

В начале апреля он совместно с союзниками-австрийцами захватил важную по местоположению крепость Брешиа. Потом последовали победы над французскими войсками у Палаццалло, взятие города Бергамо, разгром французского генерала Серрюрье у Лекко...

Командиром суворовского авангарда генерал-майор князь Багратион стал так. Когда генерал-фельдмаршал А.В. Суворов-Рымникский прибыл в итальянский город Верону, командир размещившегося здесь русского корпуса генерал-лейтенант Розенберг представил ему полковых командиров. Суворов был особенно рад увидеть Багратиона, шефа 6-го егерского полка, которого хорошо знал по Польскому походу 1794 года.

Когда представление корпусного генералитета закончились, генерал-фельдмаршал приказал Розенбергу: «Пожалуйте мне два полчка пехоты и два полчка казачков».

У полководца Суворова это означало, что в самое ближайшее время предстоит выступление в Итальянский поход и что в авангарде будут идти два пехотных полка, имея впереди два полка донских казаков. Для такого дела требовалось отобрать наиболее подготовленных людей. Однако генерал-лейтенант Розенберг не понял смысла суворовских слов.

На следующее утро Суворов-Рымникский вновь повторил свои слова о «полчках». Но корпусной начальник и на сей раз не смог понять приказания, отданного ему генерал-фельдмаршалом. «Тогда из строя генералов вышел Петр Иванович Багратион и смело сказал:

– Ваше сиятельство! Вверенный мне 6-й егерский полк готов.

Суворов очень обрадовался такому ответу своего давнего любимца и воскликнул:

– Так ты понял меня, князь Петр? Понял! Иди приготовь и приготовься!»

Багратион уже через час мог доложить о готовности авангардного отряда союзных войск к началу походного движения. В его состав помимо егерского полка вошли сводный гренадерский батальон подполковника Ломоносова и Донской казачий полк майора И.С. Поздеева. Суворов предписал багратионовскому отряду первым появиться на берегах реки Адды.

Французская армия генерала Шерера растянулась, стремясь прикрыть весь противоположный от противника речной берег. Багратион форсировал Адду чуть ли не в центре вражеской позиции. Ружейная перестрелка, затем удар в штыки, которого французы не желали принимать, решили дело. Бои шли три дня, и армия французов под командованием генерала Моро, сменившего Шерера, открыла русским и их союзникам путь на крупнейший в Северной Италии город Милан.

Затем состоялась битва на реке Треббия. Она начиналась так. Две французские армии под командованием генералов Моро и Макдональда начали встречное наступление. Они подошли к реке Тидоне, где находился австрийский корпус генерала Отто. Макдональд решил разбить его до подхода русских. Однако Суворов-Рымникский сумел прийти на помощь союзникам.

Битва шла уже вовсю, когда у Тидоны появились первые суворовские войска: четыре казачьих полка и два полка австрийских драгун. Казачья конница понеслась лавой, и польской дивизии генерала Домбровского пришлось «туго».

Затем появились сам А.В. Суворов с князем Багратионом и его авангардом, люди которого после столь спешного марш-броска откровенно устали. Петр Иванович через годы рассказывал о том, как генерал-фельдмаршал отправил его в первую атаку в битве на реке Треббия:

«Когда усиленным маршем пришли мы к Треббии, множество солдат отстало у нас по дороге от утомления. Суворов приказал мне атаковать Макдональда немедленно.

– Позвольте отложить атаку на несколько часов, – сказал я ему вполголоса. – К нам подойдет много усталых, а теперь почти не с кем атаковать, в ротах нет и по 40 человек!

– А у Макдональда нет и по 20-ти, – сказал мне Суворов на ухо. – Атакуй с Богом! Ура!»

Багратион начал атаку. Плотные шеренги гренадеров, егерей, взяв ружья на руку, дружно двинулись вперед, с барабанным боем, музыкой и песнями. Батальон за батальоном вставал в боевую линию багратионовского авангарда. Под его натиском французская пехотная бригада генерала Сальма стала подаваться назад. Суворов сам повел авангард в общую атаку, разъезжая на любимом донце в сопровождении Багратиона перед рядами батальонов, обращаясь к солдатам:

– Вперед! Вперед! Коли! Руби!..

В бой ввязывалось все больше и больше подходивших русских войск. К вечеру армия генерала Макдональда оказалась отброшенной к реке Треббия. На рассвете сражение продолжилось. Багратион командовал одним из крыльев позиции, имея 11 батальонов пехоты против 16 французских. Макдональд попытался охватить здесь противника, но в ходе ожесточенного боя, который не раз превращался в рукопашные свалки, отступил.

В третий день битвы на реке Треббия багратионовский авангард (2,5 тысячи человек) разбил атакующую польскую дивизию (4 тысячи человек) генерала Домбровского, усиленную французской пехотой. Примерно спустя час после начала боя Домбровский был отброшен на противоположный речной берег с потерей 600 человек убитыми, 400 ранеными, одной пушки и одного батальонного знамени французов, взятого егерским поручиком Григорием Антоньевым.

На Треббии князь Багратион показал себя блистательным командиром легкой егерской пехоты, прекрасным ее тактиком. Он развернул впереди сил авангарда две цепи стрелков, на расстоянии примерно 30 шагов друг от друга. В 100–200 шагах от них находились гренадерские батальоны, построенные в ротные колонны.

Генерал Домбровский атаковал русских одной густой стрелковой цепью и батальонными колоннами польской и французской пехоты. Участник тех событий рассказывал:

«Скорым шагом, бодро шли на нас могучие числом колонны французов; шли с музыкою и с барабанным боем и с повременным криком. Один из молодых ратников, в полном смысле удалый русский, стоя в цепи, засмеялся и спросил старика-товарища:

«Дядя! Что они горло-то дерут, словно свиньи на бойне, когда их режут?»

«Пусть повременят только немножко – заревут они у нас не так еще», – ответил ему старик-ратник».

Багратион приказал своим стрелкам начать прицельную стрельбу по атакующим только тогда, когда те подойдут «на верный выстрел». Густая цепь польских и французских стрелков, за которыми виднелись колонны, быстро накатывалась на две цепи русских егерей, изготовившихся к стрельбе.

«Цепь... неслась на нас нахально и на расстоянии выстрела (300 шагов) открыла пальбу из ружей, с рук, без прицела...»

Стрелков французских было втрое против нас, и пули их стали носиться между нами, как вода в летнюю пору. Охотники выжидали и, подпустив врага шагов на полтора... встретили их меткими выстрелами. Ни одна пуля их не пошла на ветер...»

В том боевом эпизоде вражеская стрелковая цепь оказалась полностью «расстроеной» прицельной пальбой егерей. Более того, русские егеря стали отступать, неприятельские стрелки погнались за ними, смешались, потеряв строй, и оторвались от батальонных колонн, которые следовали за ними. Выждав этот момент, гренадеры багратионовского авангарда ударили в штыки и решили бой в свою пользу: «...убитых и раненых было сплошь».

Был ранен на Треббии и генерал-майор Багратион: «пулею в правое плечо». Ранение оказалось легким, и потому в его послужном списке это ранение не отмечено. Генерал-фельдмаршал А.В. Суворов-Рымникский же в победной реляции отмечал среди боевых потерь, что князь был «ранен контузией».

Впоследствии П.И. Багратион не раз вспоминал трудное дело на реке Треббия, которое врезалось в его память: «Люди мои ослабели в силах, число их уменьшалось каждую минуту от непрерывного огня. Жар в воздухе был ужасный. Последний запас моих гренадер пустил я в бой. Ружья худо стреляли, замки и полки у ружей запеклись накипом от пороха...»

«Князь Петр» за Итальянский поход имел на редкость высокие награды: за «отличия» при занятии города Брешиа, за что удостоился ордена Святой Анны сразу 1-й степени. В сражении на берегах реки Адда (у Лекко) получает ранение пулей в правую ногу выше колена. Следует пожалование в командоры ордена Святого Иоанна Иерусалимского (Мальтийского креста). За дело при Маренго, где был разбит французский генерал Маро, награждается орденом Святого Александра Невского. То есть император Павел Петрович в «пожалованиях» князя Багратиона не только не обходил, но еще и награждал более чем достойно.

В Итальянском походе генерал-майор князь Багратион, что говорится, не выходит из боев. Отличается, как сказано выше, в сражениях на реках Тидона и Треббия. При городе Нови-Лигуре блистает вновь, будучи награжден по суворовскому представлению алмазными знаками ордена Святого Иоанна Иерусалимского.

Багратиону на земле Италии не все удавалось, как говорится, с первого раза. Так было под городом Нови, взять который Суворов приказал генерал-майору П.И. Багратиону. Тот повел отряд в бой, но вскоре убедился, что каменная городская стена, не поддающаяся пушечным ядрам, – прекрасная позиция для обороняющихся французов. Атака следовала за атакой. Тогда Суворов-Рымникский добавил сил «князю Петру». Город подвергся третьему штурму. Очевидец свидетельствовал:

«Солдаты шли на штурм с яростью, не знавшей пределов. Они, как бы ослепленные храбростью, под смертельным огнем орудий, казалось, не замечали преимуществ позиции неприятельской, они презирали неминуемую смерть, и не было возможности удержать их».

Блистательная победа под городом Нови завершила блистательную Итальянскую кампанию. А.В. Суворов-Рымникский говорил окружающим: «Мой Багратион имел присутствие духа, расторопность, отважность и счастье». После битвы при Нови полководец подарил «князю Петру» шпагу, с которой тот не расставался до конца своих дней.

В журнале ведения военных действий суворовскими войсками в Северной Италии, к примеру, есть такие записи:

«...Неприятель, стоявший по обоим берегам реки Адды с возвышенных противу наших мест, усмотря малосилие князя Багратиона, распустил множество стрелков по горам в ущелья и сады. Но он его паки поразил сильно штыками; казаки тут так же пособляли спешенными стрелками».

«Когда армия готова была идти в поход, получено известие, что неприятель поспешно переправляется от Александрии на сию сторону реки Бормиды... Уже неприятельских войск переправилось шесть тысяч и прошли до Сент-Жульяно, как вдруг генерал-майор князь Багратион со своим авангардом и австрийский генерал-майор Лудиньян... атаковали неприятеля, сломили его холодным ружьем, привели в крайний беспорядок и обратили в бегство к Бормиде...»

«...Неприятель предупредил союзные войска в намерении перейти Треббию и перешел чрез оную во всех пунктах и атаковал все части армии... Прежде всего на правом фланге встретил штыками неприятеля генерал-майор князь Багратион с 6-ю батальонами... В сражении одного часа неприятель был прогнан за реку, оставя в воде убитыми до 600 человек и потеряв пленными 29 офицеров и до 400 нижних чинов...»

Великий Суворов гордился своим талантливым учеником, которого часто называл «князем Петром». А французские военачальники не без причин усматривали в нем опасного противника. Русский поход императора французов Наполеона 1812 года, равно как и другие антинаполеоновские войны, подтвердил эти опасения.

Новую славу Багратиону в том же 1799 году принес Швейцарский поход. В начале его русский авангард под его командованием в сражении на Сент-Готарде блестяще выполнил задачу по захвату горного перевала. Во многом благодаря этому успеху французам пришлось очистить путь суворовским войскам, понеся при этом большие потери, в том числе и моральный урон. Затем отличается в бою у Чертова Моста.

«Князя Петра» всегда видели в ходе прорыва через Швейцарские Альпы в самых опасных местах. В бою под Глярусом он получает контузию картечью. Ему выпала честь последней победой русского оружия завершить славный для российского воинства Швейцарский поход. 1 октября 1799 года авангард под командованием генерал-майора князя Багратиона численностью 6 тысяч человек нанес поражение противостоявшему 5-тысячному отряду французов под начальством генерала Молитора. Эта победа на высокогорье при Нефельсе обеспечила беспрепятственный отход суворовских войск в долину Верхнего Рейна.

В своих приказах по армии и донесениях императору Павлу I в далекий от Италии и Швейцарии Санкт-Петербург генерал-фельдмаршал А.В. Суворов-Рымникский постоянно отмечал заслуги командира своего авангарда, успешно справлявшегося с самыми ответственными боевыми задачами.

«Князя Петра» не пугала ни опасность, ни сложность их выполнения. Равно как и численность вставшего перед ним неприятеля, авторитетность парижских генералов, прославившихся в революционных войнах Франции. Из заграничного похода он вернулся с репутацией признанного боевого генерала. Его послужной список впечатлял современников.

Швейцарский поход – прорыв через заснеженные Альпы и французские заслоны продолжался 16 дней. 16 дней солдатского подвига. 16 дней величия военного гения Суворова. 16 дней генеральской славы Багратиона.

Военный историк Л.Н. Белькович, преклоняясь перед образом Багратиона, утверждал: «Уже один швейцарский поход мог бы составить славу Багратиону – без него померкла бы слава Суворова и его чудо-богатырей».

Константин Симонов в своей известной поэме «Суворов» посвятил «князю Петру», герою перехода через Швейцарские Альпы, такие яркие и выразительные строки:

...Смеркалось, а Багратион
Еще не обошел французоз,
Он, бросив лошадей и грузы,
Взял гренадерский батальон
И сам повел его по кручам
Глубоко в тыл.
Весь день с утра они ползли
Все ближе к тучам,
Со скал сдували их ветра,
С откосов обрывался камень,
Обвал дорогу преграждал...
Вгрызаясь в трещины штыками,
Они ползли. Суворов ждал.
А время шло, тумана ключья
Спускались на гору. Беда!
Фельдмаршал приказал хоть ночью
Быть в Сен-Готарде, но когда
Последний заходящий луч
Уже сверкнул за облаками,
Все увидали: выше туч,
Край солнца зацепив штыками,
Где ни тропинок, ни следов
От ветра, как орлы крылаты
Стоят на гребне синих гор
Багратионовы солдаты...
Француз бежал...

...В августе 1800 года генерал-майор князь П.И. Багратион, овеянный суворовской славой, назначается шефом лейб-гвардии Егерского батальона, который в мае 1806 года разворачивается в полноценный полк гвардейской легкой пехоты.

Вновь с французами Багратион встретился в войне 1805 года, которая закончилась для союзных монархий России и Австрии поражением от Наполеона. В этой военной кампании, когда русская армия под командованием М.И. Голенищева-Кутузова совершала свой знаменитый Ульмско-Ольмуцкий маневр, Петр Иванович возглавлял ее арьергард, на долю которого выпало больше всего испытаний. О первом успехе багратионовского отряда император Александр I был извещен немедленно:

«Вчерашнего числа, отступая от Штрэнгберга к Эттингену, арьергард наш под командою князя Багратиона в 6-ти батальонах инфантерии, 3-х батальонах егерей, 10-ти эскадронах гусар Павлоградских и нескольких цесарских (австрийских. — А.Ш.) эскадронов и 4-х батальонов кроат (хорватов. — А.Ш.) под командою графа Ностица в преследовании атакован был сильным неприятельским корпусом под командою маршала Мюрата.

Нападение неприятельское было так сильно, что должно было его (Багратиона) подкрепить резервным корпусом под командою генерал-майора Милорадовича. И сей день отпор, сделанный неприятелю, честь делает российским войскам. Окончание сего дела и прогнание неприятельской пехоты версты за 3 принадлежит российской пехоте...»

Гораздо более серьезным оказался бой при Шенграбене. Русскому 6-тысячному арьергарду при 12 орудиях противостоял передовой 30-тысячный корпус наполеоновской армии под командованием маршала империи Иохима Мюрата, опытного и смелого кавалерийского вое-

начальника. Закрепившись на позиции у Шенграбена, князь Багратион держался до тех пор, пока отходившие главные силы кутузовской армии не оказались на недосягаемом для неприятеля удалении.

Хотя багратионовский арьергард понес в 8-часовом бою наравне с французами большие потери (2402 человека), особенно в артиллерии, свою задачу он выполнил. Только после этого арьергард оставил свои позиции. Маршал Мюрат оказался бессильным в бою против русского пехотного генерала: атакующий пыл его войск угас. В бою, в котором о равенстве сил и говорить не приходилось. Впоследствии русский арьергард, действовавший у Шенграбена, назовут «дружиной героев».

Неприятель, по словам П.И. Багратиона, у Шенграбена «...принужден был, видя совершенную свою неудачу и большой вред, остановить преследование...»

Разъяренный Наполеон тогда, не сдержавшись, выразил большое неудовольствие действиями своего прославленного маршала Франции. Император начал осознавать, что погоня за отступавшим Кутузовым начинает приносить ему чувствительный урон в людях, лишая его славы победителя. Именно багратионовский арьергард становился для него на этом пути каждый раз неодолимым препятствием. Стоило ли в этом винить одного Мюрата?

За этот подвиг Петр Иванович Багратион удостоился от императора Александра I сразу ордена Святого великомученика и победоносца Георгия полководческой 2-й степени, минуя низшие 4-ю и 3-ю степени. Считается, что эта высокая награда была дана ему за всю Русско-австро-французскую войну. На четвертый день после боя у Шенграбена жалуется в генерал-лейтенанты.

Со стороны главнокомандующего русской армией генерала от инфантерии М.И. Голенищева-Кутузова приказ Багратиону любой ценой сдерживать натиск французского авангарда носил в себе известную жертвенность. Михаил Илларионович писал из Вишау императору Александру I:

«Хотя я и видел неминуемую гибель, которой подвергался корпус князя Багратиона, не менее того я должен был считать себя счастливым спасти пожертвованием одного армию...»

Надо отдать должное М.И. Голенищеву-Кутузову, который сумел оценить начальственные на войне способности князя Багратиона, как шесть лет назад это сделал генералиссимус А.В. Суворов-Рымникский. Полководец с большою похвалою сообщал в донесении о действиях армейского арьергарда, присоединившегося к главным силам:

«...Храбрый генерал-майор князь Багратион, немало не теряясь, произвел с своей стороны канонаду и, бросив несколько бомб в неприятеля, успел зажечь деревню, в которой был расположен корпус, назначенный для атаки князя Багратиона с фланга. Увеличившийся пожар понудил неприятеля выйтись из сей деревни и спасти свои пороховые ящики, проходя вдоль позади оной, что и дало время князю Багратиону выиграть часа два в ретиреде.

Со всем тем неприятель достигал его и теснил крепко, отрезывая часто часть его корпуса, но всегда надежда его оставалась тщетною, ибо солдаты пробивались повсюду на штыках, коими опрокинули неоднократно и самую кавалерию неприятельскую.

...Донеся о сем происшествии, увенчанном славой российских воинов, я осмелюсь не промедлительно ходатайствовать о Всемилостивейшем награждении генерал-майора князя Багратиона, отличавшегося на каждом шагу при ретиреде на 50 миль и заслужившего не один раз монаршую милость Вашего Величества.

...Генерал-майор князь Багратион, по мнению моему, заслуживает за разные дела, в коих он действовал, чин генерал-лейтенанта, а за последнее при деревне Шенграбен неоспоримое, кажется, имеет право на военный орден Св. Георгия 2-го класса».

Подлинное же полководческое признание пришло к П.И. Багратиону после битвы при Аустерлице 2 декабря 1805 года, которую Наполеон Бонапарт считал самой блестящей («солнцем») в созвездии своих побед. Армия императора французов насчитывала перед сражением

73 тысячи человек при 250 орудиях. Его противники имели 85 тысяч человек (60 тысяч русских и 25 тысяч австрийцев) при 278 орудиях (по другим данным – 81,5 тысячи). Союзной армией формально командовал генерал от инфантерии М.И. Голенищев-Кутузов, но с самого начала дела при Аустерлице в его решения постоянно вмешивались Александр I и австрийский император Священной Римской империи Франц II.

Августейшие «главнокомандующие» поручили подготовить план предстоящего сражения австрийскому генералу Вейротеру. План был не только плох, но еще и не предусматривал того, что французы сами могут атаковать. Когда П.И. Багратион познакомился с мыслями Вейротера, изложенными к тому же на немецком языке, то он сказал присутствующим известные слова: «Завтра мы будем разбиты».

В сражении Багратион командовал войсками на правом крыле союзной армии и длительное время стойко отражал все атаки французов. Здесь атаквали корпуса Даву, Нея и Понятовского. Когда победная чаша весов стала склоняться в сторону наполеоновской армии, почти окруженные части Багратиона составили арьергард союзников, прикрывая отход главных их сил, понеся при этом большие потери. За проявленную доблесть князь был отмечен похвальным рескриптом императора Александра I.

В кутузовском рапорте государю за Аустерлиц есть такая строка: «Князь Багратион... удерживал сильное стремление неприятеля и вывел корпус свой с сражения в Остерлица в порядке, закрывая в следующую ночь ретираду армии».

Современники, участники баталии, в своих мемуарах довольно единодушно похвально отзываются о действиях арьергарда князя П.И. Багратиона. Его стойкость и организованность особенно блистали на фоне отступления союзной армии от Аустерлица. Так, генерал-лейтенант на русской службе граф А.Ф. Ланжерон, бездарно командовавший в битве второй колонной, был «ужасно» подавлен происшедшим, что и отразилось в его воспоминаниях:

«Мне уже случалось видеть проигранные сражения, но о таком поражении я не имел понятия...

Мы шли или скорее бежали всю ночь, и на следующий день вся наша армия очутилась на дороге в Венгрию...

Остальные войска, исключая арьергарда князя Багратиона, находились в том же беспорядке, как и наши колонны левого фланга: все бежало по большой дороге, никого не было на своем месте, корпуса, дивизии, полки, роты, все совершенно перепуталось, и ни у кого не было чего-нибудь поесть...»

...В ходе Русско-пруско-французской войны 1806–1807 годов Багратион вновь командует арьергардом русской армии, отличаясь в крупных сражениях на территории Восточной Пруссии – у Прейсиш-Эйлау (награжден орденом Святого Владимира 2-й степени), Гутштадта (отмечен золотой шпагой «За храбрость» с алмазами), Гейльсберга и при Фридланде.

В первом из них, состоявшемся 7–8 февраля 1807 года, ученик Суворова во главе арьергарда прикрывал отход русских войск к Прейсиш-Эйлау. Затем багратионовские полки успешно отражали атаки французов и не позволили им обойти себя с фланга. После кровопролитного сражения, продолжавшегося до десяти часов вечера, противники остались на исходных позициях. На следующий день русские беспрепятственно отступили от Прейсиш-Эйлау.

При Фридланде (ныне город Правдинск Калининградской области) генерал-лейтенант князь Багратион командовал левым крылом русской армии. Ее поражение в этой битве ускорило заключение Тильзитского мира.

В сентябре 1807 года следует назначение командиром 21-й пехотной дивизии. Начальствование ею в дни мирные оказалось недолгим. Вскоре дивизия, имевшая немалый боевой опыт в войнах с французами, перебрасывается в Финляндию: начиналась последняя для европейской истории война России со Швецией.

...В ходе Русско-шведской войны 1808–1809 годов Багратион, командир 21-й дивизии, «поднялся» до командования армейским корпусом. Его войска заняли важный по своему местоположению город Або (тогдашняя столица Финляндии). Там же успешно отражаются в сентябре 1808 года два шведских морских десанта. Войска Багратиона отличаются при взятии у шведов города Биернаборга.

Последняя победа оказалась весьма значимой для идущей войны. Не случайно главнокомандующий русскими войсками на территории Финляндии генерал Ф.Ф. фон Кнорринг доносил императору Александру I о занятии города Биернаборг:

«...Храбрые войска, состоящие под командою генерал-лейтенанта князя Багратиона, открыли себе вход оружием в город Биернаборг. Напрасно неприятель собирал в оном большую часть сил своих и готовился положить преграду нашим успехам, генерал-лейтенант Багратион, во исполнение данной диспозиции, предупредил его намерение и после упорного сопротивления принудил оставить город, найдя в нем достаточные магазейны.

Неприятель пошел после сего по дороге к Вазе, оставя нас обладателями всей Абовской провинции. Он беспрерывно преследуется легкими детаашментами...»

Среди побед в Финляндии за Багратионом значится разгром у Артчило бригады шведского генерала Адлеркрейца, после чего русские войска захватили город Таммерфорс. Отличился он при занятии финляндской территории по побережью Ботнического залива от города Або до Гамла-Карлебю.

Самым большим успехом для полководца в войне со Швецией стала экспедиция по скованному льдом Ботническому заливу на Аландские острова. Собственно говоря, «ледяной переход» задумывался масштабно. Корпусные войска генерал-лейтенанта П.И. Багратиона должны были по льду Ботнического залива и по цепочке скалистых мелких и безлюдных островов занять Аланды. Оттуда намечался переход через пролив Аланзунд и выход на побережье самой Швеции и появление перед королевской столицей Стокгольмом. Одновременно подобную операцию севернее проводил М.Б. Барклай-де-Толли.

Когда план «ледяного перехода» обсуждался в Санкт-Петербурге, государь отправил в Финляндию «наблюдать» за проведением этой операции тогдашнего военного министра России генерала от артиллерии А.А. Аракчеева, своего временщика. Тот, прибыв на место, потребовал от фон Кнорринга незамедлительных действий по ускорению окончания войны. Собственно говоря, за это и выступали корпусные командиры генерал-лейтенанты П.И. Багратион и М.Б. Барклай-де-Толли.

Первыми вступили на балтийский лед войска Багратиона, целью которых стояло занятие Аландского архипелага. Переход проходил в первые три дня марта 1809 года. Багратионовский корпус состоял из около 17 тысяч человек при 20 орудиях.

Следует заметить, что операция разворачивалась в трудных для русской действующей армии в Финляндии условиях. Ее провиантские «магазейны» были почти пусты, в самой Швеции изготовился для появления на финской земле сильный корпус. Войскам пришлось бы идти несколько суток по морскому ледяному панцирю без горячей пищи с ночевками прямо на льду и снегу. Переход был тягостен как для людей, так и для лошадей.

Аланды оборонял 10-тысячный корпус генерала Диобельна. При появлении русских шведы, не ожидавшие от противника такой дерзости под конец зимы на Балтийском море, стали сперва отходить на остров Большой Аланд, чтобы оттуда налегке бежать по льду к берегам Швеции. После занятия островов Багратион писал в донесении:

«...Тщетно полагал неприятель остановить наступление многими и большими засеками, в густоте лесов поделанными. Они (русские войска) обошли их и, переходя необозримые ледяные пространства, преодолели все препоны, самую натурой поставленные, и мужественное их наступление повсюду приводило неприятеля в трепет».

Багратионовский корпус расположился на Аландском архипелаге на отдых. Временщик Аракчеев, который распоряжался войсками армии как главнокомандующий, потребовал от Петра Ивановича выполнить царскую волю, то есть выступить в поход по льду Балтики на город Стокгольм. Аракчеев считал, что реальная угроза для шведской столицы побудит даже самых воинственных сановников в стане неприятеля подписать мир.

Багратион «просчитал» сложившуюся под конец войны ситуацию иначе. Он прекрасно понимал, что появление на территории собственно Швеции русского корпуса совсем не походило на кратковременную набеговую операцию. Его корпус фактически уже не имел тылов, и потому сколько-нибудь значительных запасов провианта и боевых зарядов (особенно артиллерийских) в «ледяной поход» с собой он взять просто не мог.

Аракчееву удалось в отношениях со строптивым князем Багратионом добиться только малого. Тот был «побужден» начать преследование бежавшего с Большого Аланда корпуса генерала Диобельна. Проследить движение 10 тысяч шведов на ледяной дороге не составило большого труда: по пути бегства они оставляли не только следы, но и немало брошенных «тяжестей».

Вдогонку беглецам Багратион сразу же отправил отряд в 400 кавалеристов под начальством бесстрашного генерал-майора Я.П. Кульнева. Тот дошел до берегов собственно Швеции и захватил там после упорного боя город Гроссельгам недалеко от столичного Стокгольма.

Штурмовать же его малыми силами конного отряда Кульнев, человек отчаянной храбрости, не пошел. Бой за Гроссельгам обернулся для четырех сотен кавалеристов немалыми потерями: шведы обороняли городок мужественно. Багратион доносил о результатах этого конного рейда по весеннему балтийскому льду к вражеским берегам восторженно:

«Столь быстрый и нечаянный переход Аландгафа кавалерии нашей, непонятный самому неприятелю, привел прибрежных жителей в трепет. Сигнал о сем телеграфа ужаснул столицу вандалов; дорога до Штокгольма была покрыта трепещущими жителями, партикулярными обозами и войсками, которые поспешно шли для защищения берегов; все сие представляло картину повсеместного стремления и страха и останется незабвенным в летописях времен позднейших к бессмертной славе российского оружия».

Аландские острова были заняты почти без сопротивления противной стороны, и это послужило одной из последних «мер принуждения» до этого часто воинственного Стокгольма к миру со своим восточным соседом. Шведское королевство больше не претендовало вооруженной рукой на Финляндию, которая стала неотъемлемой частью империи династии Романовых.

Историки здесь единодушны: «ледовый поход» в исполнении корпусов генерал-лейтенантов Багратиона и Барклая-де-Толли по заледенелым полям Балтики, над которыми уже веяло весной, сказал в войне свое веское слово. Швеция оказалась «сраженной безумством русских войск». В Стокгольме поняли, что Балтийское море «проходимо» для русской армии и зимой, и летом.

Вступивший на королевский престол после государственного переворота и смещения Густава IV Адольфа герцог Карл Зюдермландский запросил перемирия. Затем последовали переговоры о мире, в которых судьба Финляндии была окончательно решена в пользу России.

Наградой для Георгиевского кавалера князя П.И. Багратиона за эту войну стал чин генерала от инфантерии. Так он вошел в круг высшего генералитета Российской империи. Производство было дано ему в высочайшем рескрипте от 29 марта 1809 года вместе с М.Б. Барклаем-де-Толли. Так были награждены два главных героя «ледяного похода» русских войск по скованной льдом Балтике. Военная история Европы подобных примеров знает немного.

Показательно, что этот указ «по повышению в чинах генералов Багратиона и Барклая» был подписан самодержцем Александром I на земле Финляндии, которую он посетил уже как

часть Российской империи. 127 депутатов финского сейма (парламента), собравшись в городе Борго, высказались за вхождение уже бывшей восточной части Швеции в состав России.

Российский государь выступил перед парламентариями с речью на французском языке, после чего посетил город Гельсингфорс (ныне финская столица Хельсинки) и крепость Свеа-борг. Затем он побывал в тогдашней столице Финляндии городе Або. В этой поездке его сопровождали военачальники русской армии, среди которых находился и новоиспеченный генерал от инфантерии и Георгиевский кавалер П.И. Багратион.

Позднее этот поход по весеннему льду Балтики назовут одной из самых значимых побед русского оружия в многочисленных войнах России со Шведским королевством. В честь этого события для награждения нижних чинов (солдат и унтер-офицеров) была выбита медаль «За переход на шведский берег».

...Во время затянувшейся Русско-турецкой войны 1806–1812 годов генерал Багратион с августа 1808 года по март 1810-го был главнокомандующим русской Молдавской (Дунайской) армией. Императорский рескрипт о его высоком назначении, когда война со Швецией еще шла, заканчивался такими словами Александра I:

«...Поспешный переход за Дунай признан необходим.

Вам известно, сколь по настоящим обстоятельствам каждая минута драгоценна. Я ожидаю и в скором времени надеюсь получить от вас из-за Дуная донесение».

Санкт-Петербург знал, что единственное средство принудить Стамбул к заключению мира состоит в том, чтобы нанести сильное поражение его войскам. И, желательно, не одно. Об этом новому главнокомандующему Молдавской армией постоянно отписывали с берегов Невы. От него требовали действовать наступательно, с викториями в каждой полевой битве и осаде крепости.

Багратион успешно руководил боевыми действиями на левом и правом берегах Дуная, в Северной Болгарии. Его войска овладели рядом неприятельских крепостей – Мачином, Кюстенджи, Гирсово. В августе 1809 года при Рассевате был блестяще разгромлен отборный по своему составу 12-тысячный корпус султанской армии. За это главнокомандующий удостоился высшей орденской награды России – Святого Апостола Андрея Первозванного. К слову говоря, в истории этого ордена за победу в конкретной битве он жаловался крайне редко.

Затем турецким войскам, спешившим на помощь осажденному гарнизону Силистрийской крепости, в начале октября наносится убедительное поражение в сражении при Татарице. Одержанные победы позволяли рассчитывать на успешное проведение новой военной кампании. Но обстоятельства вскоре заставили Багратиона снять осаду с крепости Силистрия (древнего Доростола).

С началом своего главного командования Молдавской армией Багратиону пришлось озаботиться боевой выучкой вверенных ему войск, прежде всего пехоты, в рядах которой оказалось много вчерашних рекрутов. Он издает приказ о «воинском обучении», в котором были и такие слова:

«Я уверен, что всякий честный начальник не станет учить солдат безрассудно, долго и часто. Я требую обучать солдата, чтобы он стрелял цельно и верно, сие главное и должное ремесло, свернуть батальон в колонну в минуту и в минуту развернуть и атаковать...

Таким образом, солдата надобно учить и готовить быть победителем, а не изнурять».

...Конец кампании 1809 года прошел с успехом: перед русскими войсками капитулировал гарнизон крепости Измаил. Затем сдался гарнизон Браиловской крепости. Однако перенести масштабные боевые действия на болгарское правобережье Дуная главнокомандующему Молдавской армией так и не удалось.

Не удалось Багратиону начать боевые действия против турок и на территории Сербии, куда он намеревался послать экспедицию из казачьей конницы под начальством генерал-майора Исаева 1-го для совместных действий с сербами.

В Санкт-Петербурге были недовольны снятием осады с крепости Силистрия, подготовкой действующей армии к зимовке, и, прежде всего, значительной числом кавалерии, потерявшей много коней по причине недостатка фуража. Ситуация была такова, что даже казачьи полки оставались без лошадей. Начало следующего года, когда подсохнут пути-дороги в Северной Болгарии, не обещало много хорошего: султанская армия обладала многотысячной конницей. Ей же надо было противопоставить сильную армейскую кавалерию, обладавшую не меньшей маневренностью.

Из-за вспыльчивости характера П.И. Багратиону, подготовившему уже наступательный план кампании 1810 года, пришлось расстаться с действующей армией и вернуться в Россию: 4 февраля этого года он был освобожден от главного командования «по состоянию здоровья». Главное командование армией было им сдано графу Н.М. Каменскому.

Дело обстояло так. Князь Багратион, крайне уязвленный тем, что в столице довольно в резких тонах осуждалась, прямо скажем, неудачная для Дунайской армии кампания 1809 года, решил оставить занимаемый пост. Из Бухареста в Санкт-Петербург помчался курьер с рапортом на государево имя об отставке.

Император Александр I познакомил с багратионовским рапортом только что принявшего пост военного министра М.Б. Барклая-де-Толли. Посоветовавшись, они решили не терять боевого, пусть и строптивого генерала для русской армии, а дать ему отпуск по болезни на четыре месяца. Однако этот отпуск по разным причинам растянулся до осени 1811 года.

К князю Багратиону относились в период той зимы действительно не самым доброжелательным образом. Но это относилось только к той части генералитета и сановников, которые ждали от него с берегов Дуная только победных рапортов. Такое отношение к «многообещающим» полководцам в истории было характерно не только для России.

Всего лишь один пример. Мемуарист генерал-майор остзейский барон В.И. Левенштерн, автор ряда воспоминаний, охватывающих период с 1790 по 1815 год, человек язвительный, дал князю Багратиону, как военачальнику, очень едкую характеристику. Вне всякого сомнения, она звучала в столице из уст в то время отставного офицера Левенштерна:

«...В его (Багратиона) лице... Россия имела лучшего начальника авангарда, лучшего начальника главных сил, но он не так хорош во главе армии, и, кажется, про него можно сказать, что блестящий во втором ряду помрачается в первом».

...Но все же истина остается истиной. Ко времени вторжения Великой армии императора Наполеона Бонапарта генерал от инфантерии Петр Иванович Багратион был уже вполне сложившимся полководцем. Один из героев Отечественной войны 1809 года и войны Кавказской (и не только их), авторитетный в своих суждениях генерал А.П. Ермолов в своих «Записках» дал ему следующую, вполне исчерпывающую характеристику:

«Князя Багратиона счастье в средних степенях сделало известным и на них его не оставило. Война в Италии (суворовский Итальянский поход 1799 года. – А.Ш.) дала ему быстрый ход; Суворов, гений, покровительствовавший ему, озарил его славой, собрал ему почести, обратившие на него общее внимание. Поощряемые способности внушили доверие к собственным силам.

Одаренный от природы счастливыми способностями, остался он без образования и определился на военную службу. Все понятия о военном ремесле извлекал он из опытов, все суждения о нем – из происшествий, по мере сходства их между собою, не будучи руководим правилами и наукою и впадая в погрешности; нередко же однако мнение его было основательным.

Неустрасим в сражении, равнодушен к опасности. Не всегда предприимчив, приступая к делу; решителен в продолжении его. Неутомим в трудах. Блюдет спокойствие подчиненных...

Ума тонкого и гибкого, он сделал при дворе сильные связи. Обязательный и приветливый в обращении, он удерживал равных в хороших отношениях, сохранил расположение прежних приятелей.

Обогащенный воинской славой, допускал разделять труды свои, в настоящем виде представляя содействие каждого. Подчиненный награждался достойно, почитая за счастье служить с ним, всегда боготворил его. Никто из начальников не давал менее чувствовать власть свою; никогда подчиненный не повиновался с большею приятностию. Обхождение его очаровательное!

Нетрудно воспользоваться его доверенностию, но только в делах, мало ему известных. Во всяком другом случае характер его самостоятельный. Недосток познаний или слабая сторона способностей может быть замечаема только людьми, особенно приближенными к нему...

Нравом кроток, несвоеобычлив, щедр до расточительности. Не скор на гнев, всегда готов на примирение. Не помнит зла, вечно помнит благодеяния. Короче сказать, добрые качества князя Багратиона могли встречаться во многих обыкновенных людях, но употреблять их к общей пользе и находить в том собственное наслаждение принадлежит его невыразимому добродушию!

Если бы Багратион имел хотя ту же степень образованности, как Барклай-де-Толли, то едва ли бы сей последний имел место в сравнении с ним...»

Багратион прекрасно понимал неизбежность новой большой войны с наполеоновской Францией. Уж кто-кто, а он хорошо изучил этого противника, сражаясь с ним на земле Италии и Швейцарии, Австрии и Чехии, в Восточной Пруссии. В самом начале 1811 года он предлагает на рассмотрение императору Александру I свой план заблаговременной подготовки государства к приближающейся войне и ее ведения. Однако государь со своим окружением этот план не принял.

Что же предлагал Багратион в своем плане противостояния Наполеону? Его мысли сводились к тому, чтобы не ждать вторжения французской армии в пределы России, а самим нанести упреждающий неприятелю удар:

«...Гораздо бы полезнее было, не дожидая нападения, противустать неприятелю в его пределах».

В августе 1811 года генерал от инфантерии князь П.И. Багратион назначается командующим Подольской армией, расквартированной на Украине со штаб-квартирой в городе Житомире. В марте следующего года она переименовывается во 2-ю Западную армию; Багратион утверждается в должности ее главнокомандующего. Его войска в угрожаемый период меняют места дислокации.

Вместе с 1-й русской Западной армией военного министра М.Б. Барклая-де-Толли багратионовская армия встала накрытие западной государственной границы на протяжении сотни верст. Она состояла из двух пехотных и одного кавалерийского корпусов и казачьего отряда генерал-майора Н.В. Иловайского и достигала общей численности 45–48 тысяч человек. Впрочем, мнения исследователей разнятся при определении численности этих войск.

2-я Западная армия на начало Отечественной войны 1812 года имела в своем составе 24 батальона пехоты, 52 эскадрона кавалерии, 9 казачьих полков и 168 орудий. 7-м пехотным корпусом командовал генерал-лейтенант Н.Н. Раевский, 8-м пехотным корпусом – генерал-лейтенант М.М. Бороздин 1-й, 4-м кавалерийским корпусом – генерал-майор граф К.К. Сиверс.

Армия располагалась на территории приграничной Гродненской губернии, в районе городов Волковыска и Белостока. Казачьи полки были развернуты для несения дозорной службы вдоль государственной границы. Для усиления армии из Москвы двигалась 27-я пехотная дивизия генерала Д.П. Неверовского (14 батальонов, 36 орудий).

...Начало Отечественной войны 1812 года сразу же поставило 2-ю русскую Западную армию в крайне затруднительное положение. Император-полководец Наполеон I и его опытные маршалы империи делали все возможное для того, чтобы не дать армиям Барклая-де-Толли и Багратиона соединиться и разбить их поодиночке. Корпуса Великой армии (ее 1-й корпус маршала Даву в полтора раза численно превосходил багратионовскую армию) стреми-

лись вклиниться между армиями противника и охватить их, принудить к генеральной битве. Это вполне отвечало стратегическим воззрениям Наполеона Бонапарта.

1-я и 2-я русские Западные армии стали отступать в глубь России по сходящимся направлениям, чтобы где-то в районе Смоленска соединиться. В более затруднительном положении оказалась багратионовская армия: прямой путь отхода ее на Минск легко отрезался неприятелем. Преследовали же его корпуса Жерома Бонапарта и маршала Даву.

Венценосный полководец Наполеон теоретически рассчитал стратегическую операцию по «истреблению» багратионовской армии, казалось бы, верно. После взятия без боя Вильно он видел, что русская главная 1-я армия военного министра Барклая-де-Толли отступает на северо-восток, к Дрисскому лагерю. Поэтому Бонапарт решил обрушиться на более слабую 2-ю Западную армию противника, окружить ее и уничтожить. Но в лице ее главнокомандующего он нашел тоже стратегически мыслящего человека.

Выходя из-под удара, Багратион совершает с армией марш-маневр от Волковыска до Смоленска, имея целью соединиться близ этого древнего города-крепости на Днепре с 1-й Западной армией. Этот маневр не позволил Наполеону и созвездию его прославленных маршалов разгромить русские армии в приграничье порознь. И тем самым заставить официальный Санкт-Петербург подписать с Францией мир на выгодных для нее условиях.

Говоря иначе, именно полководцы М.Б. Барклая-де-Толли и П.И. Багратион уже в самом начале Русского похода императора французов разрушили план Наполеона на войну с Россией. На эту войну Бонапарт собрал возможный максимум войск с покоренной им пол-Европы. Однако в приграничье навязать противнику генеральную битву он не сумел, чтобы реализовать уже в самом начале войны свое численное превосходство: две главные русские армии удачно отступали перед ним, «приглашая» заходить в российские пределы все дальше и дальше. А огромные пространства России пугали не только одного шведского короля Карла XII.

Однако это отступление стало причиной раздора князя Багратиона с военным министром Барклаем-де-Толли. Если первый был за то, чтобы «драться с французом» (чего желало все русское воинство), то второй методично проводил в жизнь свой план на войну. Петр Иванович в горячке запальчивости не скупился на резкость слов в адрес такого же, как и он, генерала от инфантерии, да к тому же еще и получившего этот чин позднее его. Но Барклаю-де-Толли он вынужден был подчиняться.

Начальник штаба 1-й Западной армии генерал-майор А.П. Ермолов пытался примирить двух главнокомандующих, от которых во многом в начавшейся войне зависела судьба России. Он писал князю Багратиону:

«Когда гибнет все, когда Отечеству грозит не только срам, но и величайшая опасность, там нет ни жизни частной, ни выгод личных...

Принесите Ваше самолюбие в жертву погибающему Отечеству нашему, уступите другому (Барклаю-де-Толли. – *А.Ш.*) и ожидайте, пока не назначат человека, какого требуют обстоятельства».

...Путь отступления к стоявшему на днепровских берегах крепостному Смоленску для багратионовской армии прошел в тяжелых арьергардных боях. Особенно ожесточенными стали бои под Миром и Романовом. А под Салтановкой разыгралось настоящее сражение. Преследователям так и не удалось взять в тиски 2-ю армию русских, совершавших один марш-бросок за другим.

Победы же ее в этих столкновениях оказались для неприятеля достаточно чувствительными в потерях. У селения Мир арьергард под командованием донского атамана генерала от кавалерии М.И. Платова наголову разгромил три вражеских уланских полка, которые попали в хитроумно устроенную засаду на дороге. Это был «первый звонок» в войне на российской территории для наполеоновцев.

Когда вблизи Могилева у деревни Салтановка французский корпус маршала Даву настиг отступавшие перед ним русские войска, Багратион решительно атаковал неприятеля. Хотя тот и занимал выгодную для себя позицию, ему не пришлось в день 23 июля праздновать победу. Даву посчитал, что он наконец-то настиг армию русских и сможет связать ее сражением.

Но Петр Иванович тактически переиграл маршала империи и вновь отступил, теперь уже на смоленском направлении. Он с присущим ему грубоватым юмором отписал в штаб 1-й Западной армии А.П. Ермолову:

«Насилу выпутался из аду. Дураки меня выпустили...»

Историки порой сравнивают преследование наполеоновскими маршалами русской 2-й Западной армии с «погоней за миражом». Опытнейшему полководцу-стратегу Наполеону Бонапарту, пожалуй, впервые пришлось столкнуться с таким блестяще маневрировавшим целой армией соперником. В лице полководца князя П.И. Багратиона император французский нашел опасного для себя лично «разрушителя» планов на Русский поход.

Европейские историки достаточно единодушно отмечают, что в том очном «поединке» французского императора и суворовского любимца предпочтение было на стороне Бонапарта. Так, англичанин Дональд Ф. Делдерфилд писал:

«...Далеко на юге (от Вильно. – А.Ш.) импульсивный Багратион, как казалось, был безнадёжно отрезан от основной армии Барклая-де-Толли...

Огромная страна, где летние грозы превратили и так никуда не годные дороги в непролазное болото. Наполеон тем не менее был уверен в одном: в крайней уязвимости Багратиона и его 40 тысяч человек, которые уже отстали от основных частей отступающей армии на 80 лиг, а поскольку перед Наполеоном был ученик Суворова, то он, как искусный паук, ждал, когда бесстрашная муха ринется в расставленные им сети».

Багратиону, который отводил от границы более чем 40-тысячную армию, откровенно было нелегко раз за разом выискивать новые маршруты отступления, чтобы не попасть под удар превосходящих сил врага. Так, он двинулся к Минску, но узнал, что маршал Даву уже его занял. Петр Иванович тогда отписал «в сердцах» начальнику штаба 1-й Западной армии генерал-майору А.П. Ермолову:

«Я принужден назад бежать на Минскую дорогу... Куда ни сунусь, везде неприятель».

...Умело маневрируя, князь Багратион сумел-таки без больших потерь вывести 2-ю Западную армию к Смоленску на соединение с 1-й Западной армией. В «Записках Алексея Петровича Ермолова» удивительно точно сказано о душевном состоянии двух объединившихся в единое целое русских армий, которым приходилось отступать, а не сражаться:

«Радость обеих армий была единственным между ними сходством. Первая армия, утомленная отступлением, начала роптать и допустила беспорядки, признаки упадка дисциплины. Частные начальники охладели к главному (Барклаю-де-Толли. – А.Ш.), низшие чины колебались в доверенности к нему.

Вторая армия явилась совершенно в другом духе! Звук неумолкающей музыки, шум непрерывающихся песен оживляли бодрость воинов. Исчез вид понесенных трудов, видна гордость преодоленных опасностей, готовность к превозможению новых. Начальник – друг подчиненных, они – сотрудники его верные!»

Багратионовские войска за 35 дней, постоянно имея в тылу и на фланге настойчивых и сильных преследователей, прошли более 750 километров. Из-за давления наполеоновских маршалов приходилось постоянно маневрировать, идти на «походные риски». Суточные маршброски достигали порой 35–40 километров. Петр Иванович отмечал:

«...Быстроте маршей 2-й армии во все время делаемых по самым песчаным дорогам и болотистым местам с теми тягостями, которые на себя ныне люди имеют, и великий Суворов удивился бы».

К Смоленску багратионовская армия шла марш-бросками, поспешая поддержать вставший на защиту города на Днепре 7-й пехотный корпус генерал-лейтенанта Н.Н. Раевского. Багратион послал вперед своего адъютанта с небольшим письмом бесстрашному корпусному командиру, на полки которого обрушились всей своей мощью несколько корпусов Великой армии под начальством самого императора французов. Петр Иванович писал Раевскому:

«Друг мой! Я не иду, я бегу. Хотел бы иметь крылья, чтобы поскорее соединиться с тобой. Держись! Бог тебе помощник!»

Под смоленскими крепостными стенами, построенными городовых дел мастером Федором Конем при царе Борисе Годунове, 4–6 августа произошло Смоленское сражение. В нем из состава багратионовской армии славой покрыли себя 27-я пехотная дивизия генерала Д.П. Неверовского (она приняла на себя первый удар французов), только-только сформированная в Москве, и 7-й пехотный корпус генерала Н.Н. Раевского, который был отряжен для обороны города.

Современники отмечали удивительную доброжелательность суворовца генерала от инфантерии князя Багратиона по отношению к отличившимся подчиненным. Он никогда не забывал отметить их личную доблесть и распорядительность, героизм вверенных им войск, независимо от того, писал ли он рапорт государю Александру I или рассказывал о текущих событиях, походах и битвах в частных письмах. Так, Петр Иванович отозвался и о бесстрашном защитнике Смоленска Раевском:

«Я... отрядил с 7-м корпусом генерал-лейтенанта Раевского, приказав ему всевозможно стараться во что бы то ни стало соединиться с генерал-майором Неверовским.

Раевский, удвоив марш и прошед без привалу 40 верст, соединился на рассвете 4-го числа в виду многочисленной армии, предводительствуемой самим французским императором, в 6-ти верстах от Смоленска, и хотя неприятель, узнав о следовании к Смоленску вверенной мне армии, употребил все усилия, дабы до прибытия прочих войск истребить малый отряд, защищающий Смоленск, но храбрые русские воины с помощью божиею, при всей своей от продолжительного марша усталости, отражали мужественно неприятеля...

Поистине скажу, что герои наши в деле под Смоленском показали такую храбрость и готовность к поражению неприятеля, что едва ли были подобные примеры...»

Сдачу города-крепости Смоленска после кровопролитнейшей битвы за него П.И. Багратион считал ошибкой в исполнении военного министра Барклая-де-Толли. Но он был подчинен ему и потому исполнял его приказания, хотя и «кипел при этом праведным гневом». Багратион, «характеризуя» в письме московскому генерал-губернатору графу Ростопчину идущий от самого Смоленска выбор места для генеральной битвы, резюмировал:

«...По обыкновению у нас еще не решено: где и когда дать баталию? – все выбираем места, и все хуже находим».

Петр Иванович сокрушался, глядя на губернскую карту Российской империи, на которой дорога от Смоленска на Москву стала театром военных действий:

«...Теперь до самой Москвы мы не будем иметь ни воды (то есть такой водной преграды, какой у Смоленска был Днепр. – А.Ш.), ни позиции».

Багратион стремился к победе, как только мог. Он стал одним из инициаторов и организаторов армейского партизанского движения в тылу французов. Великая армия несла от партизан, как показала война, действительно непоправимый урон. Петр Иванович писал московскому военному генерал-губернатору Ф.В. Ростопчину о положении дел в тылу у французов:

«Смоленская губерния весьма хорошо показывает патриотизм; мужики здешние бьют французов, как свиней, где только попадают в малых командах...

Мне кажется иного способу уже нет, как не доходя два марша до Москвы всем народом собраться и что войска успеют, с холодным оружием, пиками, саблями и что попало соединиться и навалиться на них...»

Главкомандующий 2-й Западной армией «благословил» на партизанские подвиги своего адъютанта командира 1-го батальона Ахтырского гусарского полка подполковника Дениса Давыдова. Действия этого армейского партизана на вражеских коммуникациях превзошли все ожидания тех, кто отправлял поэта-гусара Денисова на подвиги в ближние тылы наполеоновской Великой армии.

Армейское партизанство в 1812 году рождалось не спонтанно. Это был хорошо продуманный тактический ход со стороны русского командования в большой войне на собственной территории. Генерал от инфантерии П.И. Багратион, отправляя Давыдова во вражеские тылы, дал ему такую «Инструкцию»:

«Ахтырского гусарского полка господину подполковнику Давыдову.

С получением сего извольте взять сто пятьдесят казаков от генерал-майора Карпова и пятьдесят гусар Ахтырского гусарского полка. Предписываю вам употреблять все меры, беспокоить неприятеля со стороны нашего левого фланга и стараться забирать их фуражиров не с фланга его, а в середине и в тылу; расстраивать обозы, парки, ломать переправы и отнимать все способы; словом сказать, я уверен, что сделав вам такую важную доверенность, вы почтитесь доказать вашу расторопность и усердие и тем оправдаете мой выбор; впрочем, как и на словах я вам делал мои приказания, вам должно только меня обо всем рапортовать, а более никого; рапорты же ваши присылать ко мне тогда, когда будете удобный иметь случай, о движениях ваших никому не должно ведать, и старайтесь иметь их в самой непроницаемой тайности.

Что ж касается до продовольствия команды вашей, вы должны иметь сами о ней попечение.

Генерал от инфантерии Багратион».

Багратион настойчиво убеждает и императора Александра I, и его временщика, председателя Военного департамента генерала А.А. Аракчеева, и своих знакомых при дворе, и влиятельных лиц среди генералитета в необходимости самим начать активные действия в войне. Он ратует за наступление самой большой из русских армий – 1-й Западной Барклая-де-Толли, будучи сам готов ее поддержать в этом: французов надо бить, а не отступать перед ними!

В одном из писем «понимающему его» всесильному Аракчееву в месяце июне Петр Иванович пишет с обидой за себя и за воинство России:

«...1-я армия тотчас должна идти и наступать к Вильне, непременно, чего бояться. Я весь окружен и куда продерусь, заранее сказать не могу, что бог даст, а дремать не стану, разве здоровье мое мне изменит, уже несколько дней очень (плохо) чувствую. Я вас прошу непременно наступать, как приятель, а то худо будет и от неприятеля, а может быть, и дома шутить не должно.

И русские не должны бежать. Это хуже пруссаков мы стали. Я найду себе пункт продаться, конечно, и с потерей; но вам стыдно, имевши в зад укреплённый лагерь, фланги свободные, а против вас слабые корпуса. Надобно атаковать. Мой хвост всякий день теперь в драке; а на Минск и на Вилейку мне не можно пройти от лесов, болот и мерзких дорог.

Я не имею покою, и не живу для себя, бог свидетель, рад все делать; но надобно иметь и совесть и справедливость. Вы будете отходить назад, а я все пробиваться. Ежели для того, что фигуру мою не терпят, лучше избавь меня от ярма, которое на шее моей, а пришли другого командовать, но за что войска мучить без цели и без удовольствия. Советую наступать тотчас...

...Зачем предаваться законам неприятельским, тогда когда мы можем их победить; весьма легко можно сделать приказать двинуться вперед, сделать сильную рекогносцировку кавалерией и наступать целой армией. Вот и честь и слава. Иначе, я вас уверяю, вы не удержитесь и в укреплённом лагере. Он на вас не нападет в лоб, но обойдет. Наступайте ради бога. Войско ободрится. Уже несколько приказов дано, чтобы драться, а мы бежим.

Вот вам моя откровенность и привязанность государю моему и отечеству. Если не нравится, избавьте меня, и я не хочу быть свидетелем худых последствий. Хорошо ретироваться

100–500 верст, но видно, есть злодей государю и России, что гибель нам предлагает. Итак, прощайте. Я вам все сказал, как русский русскому, но если ум мой иначе понимает, прошу в том простить».

...После соединения двух русских Западных армий отношения между их главнокомандующими совершенно разладились. Барклай-де-Толли продолжал настойчиво придерживаться своей стратегической линии в войне, Багратион же являлся приверженцем самых решительных действий в войне. Поэтому он, где только мог, и словом, и в письмах, критиковал стратегию отступления, которое вело русские войска в центр России, к Москве. В таком взаимном непонимании друг друга главнокомандующие довели свои армии до поля Бородина.

Если в их взаимоотношениях Барклай-де-Толли продолжал проявлять сдержанность, выдержку, немногословие, то Багратион давал волю своему темпераменту. Он демонстрировал горячность, вспыльчивость, остроту на язык. С его «легкой руки» военного министра в разговорах между собой стали называть «Болтай да и Только».

Такая несогласованность во взглядах и мнениях двух начальствующих над армиями людей беспокоила и сановитый Санкт-Петербург, и самого государя. Не случайно Александр I отправил генералу от инфантерии Багратиону рескрипт, в котором говорилось о необходимости согласования своих действий с М.И. Барклаем-де-Толли:

«...Зная ваше усердие к службе и любовь к отечеству, я уверен, что вы, в настоящее столь важное для онаго время, отстраните все личные побуждения и, имев единственным предметом пользу и славу России, вы будете к сей цели действовать единодушно и с непрерывным согласием, чем приобретете новое право к моей признательности.

Пребываю навсегда к вам искренне доброжелательным.

Александр».

Об их натянутых до крайности взаимоотношениях были прекрасно осведомлены при дворе, в Санкт-Петербурге. Однако это никак не повлияло на мнение Чрезвычайного комитета по выбору главнокомандующего русскими армиями. Князь П.И. Багратион оказался одной из обсуждаемых в комитете фигур.

Но, думается, реально претендовать на столь «знаковый» пост и конкурировать в этом с М.И. Голенищевым-Кутузовым он не мог. Пылкость и стремление драться с врагом не могли заменить расчетливость, ум и хитрость будущего князя Смоленского, «спасителя России».

Есть мнения, что самолюбивый Петр Иванович был лично уязвлен назначением на пост главнокомандующего Голенищева-Кутузова. Он посчитал такое назначение для себя «личной укоризной». Получив высочайший рескрипт, Багратион 16 августа написал московскому военному генерал-губернатору Ф.В. Ростопчину известное свое письмо:

«Слава Богу, довольно приятно меня тешат за службу мою и единодушие: из попов да в дьяконы попался. Хорош и сей гусь, который назван и князем, и вождем! Если особенного повеления он не имеет, чтобы наступать, я Вас уверяю, что тоже приведет к вам, как и Барклай.

Я, с одной стороны, обижен и огорчен для того, что никому ничего не дано подчиненным моим и спасибо ни им, ни мне не сказали. С другой стороны, я рад: с плеч долой ответственность; теперь пойдут у вождя нашего сплетни бабы и интриги. Я думаю, что и к миру он весьма близкий человек, для чего его и послали сюда...»

И тот же Багратион горячо приветствовал кутузовское решение наконец-то дать Наполеону сражение на поле у неизвестного селения Бородино. По диспозиции 2-я Западная армия составила левое крыло боевого построения русских войск. Именно здесь император французов сосредоточил свои главные силы, чтобы прорвать у Семеновского позицию противной стороны.

Именно багратионовские полки на Бородинском поле 24 августа встретили картечными и ружейными залпами французов в схватке за выдвинутый вперед Шевардинский редут. Они героически защищали его целый день, что дало возможность русским укрепить, сколько это

было возможно, свою позицию, в том числе Курганную высоту (батарею Раевского) и флеши у Семеновского.

Наполеон приказал захватить редут частью сил корпусов маршалов Даву и Мюрата, а также польского корпуса генерала Понятовского. Силы атакующих доходили до 36 тысяч человек при огневой поддержке 194 орудий. Общая же численность багратионовских войск в начале Шевардинского боя составляла 11,4 тысячи человек при 36 орудиях.

Наполеоновские войска смогли занять редут на холме у деревни Шевардино, когда с этой высоты с наступлением темноты ушел последний русский солдат. В приказе по русской армии М.И. Голенищев-Кутузов писал:

«Горячее дело, происходившее вчерашнего числа на левом фланге, кончилось к славе российского оружия».

Более малочисленная 2-я Западная армия, чем 1-я Западная, по кутузовской диспозиции составила левое крыло. Современники из числа участников битвы прямо указывают на слабость Бородинской позиции, которую, ко всему прочему, не успели серьезно усилить в фортификационном отношении. На левом фланге флеши у села Семеновское оказались недостроенными в силу не только нехватки времени, но и того, что большая часть армейского шанцевого инструмента – лопат, кирок и прочего оказалась в войсках Барклая-де-Толли.

Можно обратиться к свидетельству известного немецкого военного теоретика и историка Карла фон Клаузевица, автора книги «1812 год». В Бородинском сражении он участвовал в чине подполковника, будучи обер-квартирмейстером 1-го резервного кавалерийского корпуса. Клаузевиц в своих воззрениях так описывает поле битвы на багратионовской позиции:

«Россия чрезвычайно бедна позициями... там, где леса вырублены, как между Смоленском и Москвой, местность плоская, без определенно выраженного рельефа, нет глубоко врезанных долин, поля... повсюду легко проходимы, селения имеют деревянные постройки, а потому малоприспособны для обороны...

Поэтому, если полководец, как это было с Кутузовым, должен, не теряя времени, дать сражение... то конечно, ему приходилось мириться со многим...

Местность на левом фланге не давала особых выгод. Несколько пологих холмов высотой до 20 футов (то есть до 5–6 метров. – А.Ш.) составляли вместе с многочисленными оврагами и полосами низкорослого леса такое запутанное целое, что трудно было разобрать, какая из двух сторон могла извлечь из него наибольшую выгоду. При этом лучшая сторона позиции – правое крыло – не могла помочь делу.

Положение в целом слишком привлекало французов к левому флангу, и правый фланг не мог отвлечь на себя их силы...»

Русский главнокомандующий и сам видел все эти недостатки Бородинской позиции, выбранной К.Ф. Толем, генерал-квартирмейстером 1-й Западной армии. Поэтому М.И. Голенищев-Кутузов писал императору Александру I следующее:

«Слабое место сей позиции, которое находится с левого фланга, постараюсь я исправить искусством...»

Ряд исследователей считают, что П.И. Багратион начал возведение Семеновских укреплений (флешей) и Шевардинского редута еще до рекогносцировки поля битвы, проведенной Голенищевым-Кутузовым. И что рекогносцировка левого фланга была перед этим проведена самим Петром Ивановичем.

Известно, что первоначально он отдал приказ выделить от каждого полка 2-й армии по 25 человек (землекопов) для строительства флешей. Однако стало ясно, что такого числа людей явно недостаточно. Чтобы ускорить работы, было приказано от каждой дивизии прислать еще по 500 человек, к которым добавить еще 400 ратников ополчения. 600 солдат из 27-й пехотной дивизии Д.П. Неверовского должны были заняться вязкой фашин. Они должны были прибыть с топорами, чтобы рубить в лесу ветки.

Современники считали, что из трех полевых укреплений флешью можно было назвать только среднее укрепление. Ее возводили команды, выделенные из сводно-гренадерской дивизии М.С. Воронцова. Этой дивизии и пришлось защищать Семеновские (Багратионовские) флешы.

Два других укрепления, меньших по размерам, в исторической литературе со всей справедливостью называются или реданами, или даже люнетами. Северное укрепление возводили солдаты 2-й гренадерской дивизии принца Карла Мекленбургского. Южное, у леса, – нижние чины 26-й пехотной дивизии И.Ф. Паскевича.

После схватки за Шевардинский редут и его потери позиция 2-й Западной армии фактически обратилась во фронт сражения. Правифланговая же 1-я Западная армия по ходу событий 26 августа превратилась в резерв Главной русской армии. Ко всему прочему, переброска войск с правого фланга на левый оказалась затруднена и неудобна. Все эти обстоятельства во многом стали причиной того, что багратионовская армия в день 26 августа понесла излишне большие потери, что и надо признать.

...Стороны готовились к генеральной баталии весь день 25 августа. Бой за Шевардинский редут стал для них прологом Бородинской битвы. 25-го числа генерал от инфантерии и Георгиевский кавалер П.И. Багратион отдает следующий приказ войскам 2-й Западной армии:

«Господам корпусным командирам приказать всем полкам и командам, чтобы нигде на открытых местах огней во время ночи для варения пищи разводимо не было, а старались бы помещаться в оврагах и скрытых местах.

Предписывается всем господам корпусным командирам приказать войскам иметь заготовленного провианта сухого или печеного непременно на 6 дней, которой истребовать от генерала-провиантмейстера Домбровского.

Все егерские полки сегодня ночью сменить свежими людьми, бригаду полковника Гогеля от сводной гренадерской дивизии, а 6-й и 41-й егерской от 7-го корпуса.

Егерям сим отдыхать во всю ночь, сварить каши, выпить по чарке вина, оправиться, а завтра до свету сварить опять каши, выпить по чарке вина, набрать патронов и непременно пред светом опять прежние места занять. Войскам же от сводной гренадерской дивизии и от 7-го корпуса посылаемым, войти также в свои места.

Всей армии варить каши, но ночью быть весьма осторожно на случай нападения от неприятеля.

Резервы иметь сильные и сколько можно ближе к укреплениям как батарейным, так и полевым.

Рекомендуется гг. начальникам войск употребить все меры, чтобы завтра к свету люди поели каши, выпили по чарке вина и непременно были во всей готовности».

Багратион, как воитель опытный и много знающий о солдатском быте, этим приказом проявил заботу о том, чтобы солдаты перед битвой были сыты и хорошо, приняв чарку «белого вина», выспались. И одновременно он приказывал командирам сделать все возможное, чтобы сохранить скрытность позиционного расположения армии на поле Бородина.

...Главкомандующий 2-й армией лично возглавил в день 26 августа 1812 года защиту Семеновских флешей, которые вошли в отечественную историю как Багратионовские флешы. То есть князь Багратион по своей воле оказался на самом огнедышащем участке позиции своей армии. Иначе поступить он не мог.

Наполеон почти непрерывно атаковал эти русские полевые укрепления большими силами, особенно тяжелой кавалерией. Он бросил против защитников флешей самый мощный корпус Великой армии маршала Л.-Н. Даву, корпус маршала М. Нея и кавалерию короля Неаполитанского маршала И. Мюрата (корпуса генералов Нансути и Латур-Мобура), которая составила вторую линию. Французы первоначально атаковали при поддержке 130 орудий генералов Сорбье и Пернюттю. Эти силы готов был подкрепить польский корпус Понятовского.

Сражение, начатое этими наполеоновскими корпусами, постепенно притягивало с каждой из сторон на русский левый фланг все больше сил. В кутузовском донесении о произошедшем сражении рассказывается, как разворачивались события на «левом нашем крыле»:

«Князь Багратион, видя умножение неприятеля, присоединил к себе 3-ю пехотную дивизию под командою генерал-лейтенанта Коновницына и сверх того вынужден был употребить из резерва 2-ю гренадерскую дивизию под командою генерал-лейтенанта Бороздина, которую он и поставил уступами противу левого крыла за деревнею, а левее от оной три полка 1-й кирасирской дивизии и всю 2-ю кирасирскую дивизию».

Атаки превосходящих сил неприятеля 2-я Западная армия с самого начала сражения отражала с честью. В этом была немалая заслуга самого генерала от инфантерии князя П.И. Багратиона, руководившего боем. К.И. Толь, как один из самых авторитетных «самовидцев» генерального сражения Отечественной войны 1812 года, так описывает события начала дня 26 августа на левом фланге русских:

«Артиллерия и пехота наша, выждав хладнокровно неприятеля на ближний картечный выстрел, открыли по нем сильный огонь. Поражение неприятельских колонн не остановило их стремление, они бросились в интервалы между батарей в намерении взять в тыл оные, но сводные гренадерские батальоны, сомкнутые в колонны и подкрепленные полками 27-й дивизии, ударив в штыки на неприятеля, почти вконец его истребили».

Семеновские флеши несколько раз переходили из рук в руки. Ров перед ними был доверху заполнен убитыми и ранеными. Массированным артиллерийским огнем полевые укрепления, к тому же недостроенные, оказались фактически разрушенными, и к концу сражения фортификационного сооружения на поле битвы из себя уже не представляли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.